

Б. Н. Флоря
(Москва)

У истоков конфессионального раскола славянского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII веке)

1054 год — дата раскола между главными христианскими церквями Средневековья — события, последствия которого наложили свой отпечаток и на многие стороны жизни общества, и на самые пути развития средневековой европейской цивилизации. Особо значительным по своим последствиям оказался этот раскол для Восточной Европы, так как (да и не только средневековой) именно по ее территории прошла одна из главных линий раздела, по обеим сторонам которой оказались, в частности, близкородственные, развивавшиеся в сходных исторических условиях народы.

Однако в 1054 г. произошел раскол между Римом и Константинополем, а не между Русью и ее западными соседями, которые разошлись гораздо позднее и в иных исторических условиях. Хотя в XI–XII вв. и на Руси, и в странах Центральной Европы была известна полемическая литература, появившаяся после разрыва церковного общения между Римом и Константинополем, и здесь в церковной среде возникали аналогичные памятники, между этими странами продолжали сохраняться разнообразные связи, в том числе, что следует особенно подчеркнуть, в сфере сакрального искусства. О наличии контактов в правящей светской среде говорят заключавшиеся вопреки предостережениям церковных иерархов многочисленные брачные союзы между представителями княжеских династий и отсутствие в исторических, более тесно связанных с интересами светской среды, памятниках специальных выпадов по адресу «иноверцев». Наоборот, например, в древнерусской Ипатьевской летописи можно обнаружить одобрительные высказывания и о немецких рыцарях — участниках III крестового похода, и о чудодейственной силе венгерского «креста св. Стефана»¹.

Положение изменилось в XIII в. Сразу следует отметить, что вплоть до 30-х гг. XIII в. в этих отношениях не произошло по-настоящему серьезных изменений. Не стал в них поворотной датой и 1204 г., когда Константинополь взяли крестоносцы «латиняне». Хотя на Руси было,

конечно, известно о насилиях «фрягов» в Цареграде², здесь их не ассоциировали с западными соседями, не принимавшими участия в событиях. Однако это событие все же имело важные последствия для изменений в отношениях между западными и восточными славянами. Именно после взятия Константинополя в политике папства усилилось стремление к распространению своей веры с помощью силового давления и тогда же, в раннем XIII в., создались благоприятные условия для воздействия папства в этом плане на политику центральноевропейских стран. Именно в это время сильно возрос идейный и политический вес церкви в польском, чешском и венгерском обществе и одновременно резко усилились связи местных церквей с Римом.

Последствия перемен сказались не сразу. Во многом это объясняется тем, что в раннем XIII в. внимание курии было прежде всего поглощено конфликтом, развернувшимся вокруг Константинополя в Средиземноморье, а Русь находилась на далекой периферии этого конфликта³. Папская курия стала серьезно интересоваться Русью лишь в 20-х гг. XIII в. в связи с событиями в Прибалтике, где находившийся под защитой курии Орден меченосцев вторгся в традиционную сферу влияния русских княжеств. Однако в борьбе за власть над язычниками восточной Прибалтики ни новгородская, ни, что важно отметить, первоначально и немецкая сторона не старалась обосновать свое право на господство в религиозных обвинениях в адрес другой стороны. Для немецкого хрониста Генриха Латвийского право немецких крестоносцев на власть обосновывались прежде всего тем, что «русская церковь» — «русская мать» не занималась обращением в христианство находившихся под властью Новгорода язычников⁴. Наряду с конфликтными ситуациями мы встречаемся и с проявлением заинтересованности обеих сторон в сотрудничестве против общего врага — литовцев⁵. Нельзя сказать, чтобы в раннем XIII в. лица, стоявшие во главе католического мира, император и папа, побуждали немецких крестоносцев к наступлению на Русь. Когда в 1220 г. епископ рижский Альберт посетил Рим, император Фридрих II «уговаривал (его) держаться мира и дружбы с датчанами и русскими» и епископ уехал, «не получив никакого утешения ни от верховного первосвященника, ни от императора»⁶. Немногие сохранившиеся папские буллы того времени, в которых речь идет о «Руси» или «русских», говорят об отсутствии у курии какой-либо определенной линии по отношению к Руси и ее слабом знании сложившейся в данном регионе ситуации⁷.

Положение изменилось в конце 20-х — начале 30-х гг. XIII в. Именно в это время в документах, направленных из Ватикана ка-

толическим соседям Новгорода, русские были названы «неверными», «врагами бога и католической веры»; ганзейским городам было предложено прервать торговлю с ним⁸. Так как подобные действия папского престола были, как видно из самого текста папских документов, ответом на поступавшие в Рим обращения с мест, очевидно, что западные соседи Новгорода стали стремиться придать своему с ним спору гораздо более выразительную чем ранее идейную окраску, изображая «русских» как угрожающих христианскому миру союзников язычников. В Риме, где именно тогда обозначился поворот к попыткам более решительного подчинения православной церкви в Средиземноморье, эти обращения попали на благодатную почву.

Отношений Руси с ее центральноевропейскими соседями это непосредственно не касалось, однако в 30-е гг. XIII в. папа Григорий IX адресует польскому духовенству ряд булл⁹. Целью этих актов было ограничить нежелательные контакты между православными и схизматиками (чему должен был служить, в частности, запрет браков между ними) и искоренить беспорядки в жизни колоний «латинян» на Руси. Последнее не было самоцелью. Искоренение беспорядков должно было способствовать превращению этих колоний в удобный инструмент распространения католицизма. Таким образом, с того момента, когда политика курии по отношению к Руси стала приобретать определенность, враждебность к «схизматической» стране в ней сочеталась с надеждами на ее «обращение». Для нашей темы существенно, что некоторые из этих булл были ответом на просьбы и предложения, исходившие от польских иерархов, в частности, от архиепископа гнезненского, а осуществление миссии на территории Руси было поручено польской провинции недавно возникшего «нищенствующего» ордена доминиканцев¹⁰. Как видим, на этой почве возникла достаточно далеко заходящая общность интересов между курией и польским духовенством. Это не может вызывать удивления, если учесть, что во главе польской церкви в то время стояли лица, именно благодаря поддержке Рима укреплявшие свое влияние в стране. Деятельность польских доминиканцев привела к первым в отношениях между западными и восточными славянами межконфессиональным конфликтам, когда католических миссионеров изгнали из Киева¹¹.

В истории отношений между Древней Русью и ее католическими соседями традиционно большое место отводилось нападениям на Новгород в начале 40-х гг. XIII в. шведов и немецких крестоносцев, рассматриваемым в научной литературе как организо-

ванные курией крестовые походы на Русь¹². Такая оценка событий вызывает, однако, серьезные сомнения. Могла ли курия в конце 30-х гг. XIII в. объявить крестовый поход против православной страны? Да, могла. Так, в 1238 г. Григорий IX объявил крестовый поход против Болгарии. Такое решение сопровождалось рассылкой соответствующих посланий венгерскому королю Беле IV (ему передавалась во владение Болгария), примасу-архиепископу эстергомскому, венгерскому духовенству и, наконец, специально монахам нищенствующих орденов о проповеди крестового похода и отпущении грехов его участникам¹³. Никаких следов подобной документации по отношению к Руси в нашем распоряжении нет.

К этому следует добавить, что решение о походе против Болгарии специально мотивировалось тем, что Иван Асень II дал приют в своих землях «еретикам» — богомилам¹⁴. Это позволило использовать как прецедент решения Латеранского собора 1215 г. о крестовом походе против покровителя альбигойцев графа Раймунда тулузского¹⁵. Очевидно, еще в то время выступление против христианской страны требовало особой мотивации для преодоления психологических барьеров.

Поскольку крестовый поход против Руси в 1240 г. не был объявлен, то и захватнические действия шведов и крестоносцев не могли вызвать на Руси враждебной реакции против «латинского» мира в целом. Действительно, из записей Новгородской I летописи¹⁶ видно, что эти нападения воспринимались как очередное (может быть, особенно крупное по размерам) вражеское нашествие, но не как конфликт между сторонниками разных конфессий.

Новые черты в отношениях между папством, русскими княжествами и их западными соседями привнесли татарское нашествие и образование на территории Восточной Европы мощной кочевой державы — Золотой Орды.

Впервые со времен арабского нашествия в непосредственном соседстве с католической Европой оказалась мощная и враждебная внешняя сила, что не могло не наложить отпечаток на политику папства в Восточной Европе.

Возникшую опасность курия намеревалась парировать двумя различными способами. Прежде всего она пыталась вступить в контакт с язычниками — татарами и обратить их в свою веру, чтобы Золотая Орда стала союзником папства в борьбе с мусульманским миром¹⁷. Вместе с тем, поскольку рассчитывать на успех в этом деле прочных оснований не было, следовало одновремен-

но принимать меры к тому, чтобы поставить какой-то барьер на пути их продвижения в Европу. С этой точки зрения непосредственно соседствовавшие с Ордой русские княжества представляли большой интерес и как важный источник информации о намерениях татар, и как возможный союзник против них. Сближение с русскими княжествами на почве союза против татар одновременно могло создать благоприятные условия для подчинения русской церкви папскому престолу. В том, чтобы русские княжества стали преградой на пути татар, были заинтересованы и западные соседи Руси — и венгерский король, и польские князья активно содействовали установлению контактов между русскими землями и Римом. Наконец, и для русских князей, если они хотели получить помощь от государств католической Европы, было необходимо обеспечить себе поддержку папства, чье политическое влияние в XIII в. достигло своего апогея. Во второй половине 40-х гг. XIII в. в сношения с папой или его представителями вступали главные русские князья этого времени — Михаил Черниговский, Ярослав Всеволодович Суздальский и его сын Александр, Даниил Галицкий¹⁸.

Одним из главных результатов этих контактов стало признание (в 1247 г.) верховной власти папского престола Галицкой Русью, а затем присылка князю Даниилу королевской короны из Рима¹⁹. Во второй половине 40-х — начале 50-х гг. связи галицкого князя с западными соседями были скреплены новыми брачными союзами, а его сын стал претендентом на австрийский трон. Даниил Галицкий и польские князья совершили ряд совместных походов на язычников-ятвягов. С Тевтонским орденом был заключен договор о разделе ятвяжских земель²⁰.

Нет сомнений, что, вступая в контакты с Римом, Даниил стремился прежде всего получить помощь католической Европы против татар. Само подчинение галицкой церкви Риму ограничилось формальным актом, за которым не последовало каких-либо конкретных шагов. Некоторые записи Ипатьевской летописи²¹ позволяют полагать, что решение всех собственно церковных вопросов молчаливо откладывалось до общего соглашения между греческой и латинской церквями, переговоры о котором шли интенсивно между Римом и Никеей во второй половине 40-х — первой половине 50-х гг. XIII в. Неудача этих переговоров не могла остаться без последствий для взаимоотношений Галицкой Руси и Рима.

Еще более существенно, что несостоятельными оказались надежды на получение помощи против татар при содействии папского престола. Ближайшие соседи — Польша, где в XIII в. фео-

дальная раздробленность достигла высшей точки, Венгрия, постепенно вступающая в полосу тяжелого внутреннего кризиса, — были не в состоянии нанести поражение татарам. Более удаленные государства и вовсе не хотели нести какие-либо жертвы, не видя непосредственной опасности. Создавшееся положение реалистически оценил Александр Невский, порвав уже в конце 40-х гг. XIII в. контакты с Римом, через несколько лет это оказался вынужденным сделать и Даниил Галицкий.

Уже в период недолгого соглашения между Даниилом и папством в политике курии по отношению к русским землям, оказавшимся за рамками соглашения, наметился поворот к прежнему курсу 30-х гг., но уже в более обостренной форме. В булле, адресованной принявшему христианство литовскому правителю Миндовгу, папа Александр IV предоставил ему право занять пребывающие «в неверии» русские земли, поставив его владения под защиту папского престола²². Это первое свидетельство о попытках Рима распоряжаться землями схизматиков в Восточной Европе.

После разрыва между Галицкой Русью и Римом такие тенденции в политике папского престола усилились. Уже в 1257 г. папа Александр IV предписал проповедовать «крестовый поход против язычников „схизматиков“»²³. В 1260 г. Александр IV передал Тевтонскому ордену все земли на Руси, которые тот сумеет завоевать, поставив их под защиту папского престола²⁴. Орден принимал на себя обязательство ликвидировать на этих землях схизму. Указание в преамбуле документа, что он выдан по просьбе тевтонских рыцарей, говорит о единстве политики Рима и Ордена по отношению к древнерусским княжествам, направленной на идейную конфронтацию. В 1264 г. такое же право занять русские земли Урбан IV предоставил чешскому королю Пржемыслу II²⁵. В двух последних документах «русские» фигурировали в одном ряду с язычниками «литовцами» и «татарами» как враги христианского мира, землями которых в силу этого римский престол имеет право распоряжаться.

Позиция курии не могла не повлиять на отношения между Русью и ее западнославянскими соседями. Кроме того, с середины XIII в. стало проявляться действие новых факторов, которые могли придавать убедительность исходившим из Рима утверждениям. Первым таким фактором стало усиление литовских князей-язычников, расширение их власти на все новые «русские земли» и, как следствие, участие «русских» войск, т. е. христиан, в походах язычников-литовцев на соседние христианские земли, в частности на Польшу. Вторым фактором стало окончательное подчинение рус-

ских земель татарам и принудительное участие русских князей со своими войсками в походах ордынских правителей на Польшу и Венгрию. В главном памятнике польской анналистики того времени — Великопольской хронике сохранились рассказы о взятии Сандомира татарами в 1259/1260 гг. и о нападении русских и литовских войск на Мазовию в 1262 г.²⁶ Русские князья тогда уговорили жителей сдаться, и они были перебиты. Эти документы показывают, как остро реагировали в польском обществе на начавшееся участие русских в акциях такого рода. Перемене общественных настроений способствовали и действия правителей соседних с Русью государств. В раздорах между собой они апеллировали к поддержке папской курии и подчеркивали свою роль защитников христианской Европы от внешнего враждебного мира — мусульман, язычников, еретиков и схизматиков. частью этого враждебного «христианской общности» мира постоянно выступала Русь. Наибольшее развитие эта тема получила в корреспонденции чешского короля Пржемысла II. В своих посланиях он выступал то как защитник Польши от нападений схизматиков и литовцев, то как защитник всей христианской Европы от татар и их «слуг» схизматиков — русских, то как крестоносец, который вырвет земли Восточной Европы из рук неверных, связанных «проклятым союзом» с татарами²⁷. Формально предназначенные курии, эти послания неоднократно адресовались фактически европейскому общественному мнению, попадали на страницы хроник. Правители, достаточно хорошо знакомые с истинным положением дел, несомненно, часто сами не верили тому, что писали (тот же Пржемысл II, когда ему было нужно, умел отлично ладить с галицкими князьями), но рисовавшиеся в их посланиях образы проникали в общественное сознание, способствуя закреплению представления о Руси как части внешнего враждебного, нехристианского мира.

Автор так называемой чешской «Александрии», возникшей в конце XIII в. в среде местного рыцарства, выражал надежду, что в его стране появится правитель, подобный Александру, который заставит принять крест и отречься от заблуждений литовцев, татар, бесермен и русских²⁸.

Обращаясь к русским источникам второй половины XIII в., следует отметить, что в них не обнаруживается подобного обобщающего отрицательного образа «латинского» мира. Никаких выпадов против «латинян» нет ни в галицко-волынской части Ипатьевской летописи (наоборот, там можно найти одобрительные суждения о католических святых и католических храмах²⁹), ни в

записях Новгородской I летописи о событиях XIII в. Даже автор Жития Александра Невского, специально хваливший своего героя за то, что тот не принял «учение» от папы³⁰, был далек от общего осуждения всех представителей латинского мира³¹.

Подобный образ появляется лишь в текстах, созданных в следующем, XIV веке³². Такое хронологическое несовпадение позволяет предполагать, что отрицательный образ «латинского» мира возник как ответная реплика на негативный образ Руси.

Примечания

- ¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1962, т. II, стб. 452–454, 667–668. Подробнее о взаимоотношениях Древней Руси и ее западных соседей в XI–XII вв. см.: А. И. Рогов. Отражение в идеологической жизни славян разделения церквей в 1054 г. (XI–XII вв.) // *Studia balcanica*. София, 1991, t. 20.
- ² См. рассказ о взятии Царьграда в Новгородской I летописи: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950, с. 46–49. Стоит отметить, что, по мнению летописца, крестоносцы действовали «цесарева веленья забывша и папина», так как папа и император Филипп Швабский послали их не завоевывать Константинополь, а воевать против мусульман.
- ³ В обширной переписке папы Иннокентия III (ум. в 1216 г.) можно отметить лишь один документ, касающийся Руси.
- ⁴ *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938, с. 225. Впрочем, подобные обвинения выдвигались им и по адресу датчан (с. 217–218). В этом сочинении русские не называются ни «еретиками», ни «схизматиками», хотя хронист знает о существовании различий между их верой и верой «латинян».
- ⁵ Так, в 1212 г. на встрече полоцкого князя Владимира с рижским епископом Альбертом был заключен «вечный мир против литовцев и других язычников». *Генрих Латвийский*, Хроника..., с. 141.
- ⁶ Там же, с. 199.
- ⁷ Так, например, в грамоте 1224 г., адресованной русским, папа Гонорий III просил их защитить окрещенных ливонскими епископами «неофитов» от нападений язычников, см.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым (далее — АИ). СПб., 1836, т. I, № 14, а в грамоте 1227 г. тот же папа выражал свою радость по поводу того, что русские якобы готовы принять католическую веру, см.: *Documenta Pontificum Romanorum* (далее — DPR) *historiam Ucrainae illustiantia*. Ed. A. G. Welykyj. Roma, 1953, t. I, № 4.

- ⁸ Об этих документах см. подробнее: *И. П. Шаскольский*. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978, с. 150–151.
- ⁹ *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae genfiumque finitimarum historiam illustrantia* (далее — VMPL). Ed. A. Theiner. Romae, 1860, t. I, № 44–47; *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej*. Lwów, 1878, t. VII, № 2; DPR, t. I, № 6.
- ¹⁰ О миссии доминиканцев см. также: *W. Abraham*. Powstaie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi. Lwów, 1904, t. 1, s. 77–80.
- ¹¹ *J. Dlugosz*. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. L. 5–6. Varsoviae, 1973, s. 266; DPR, t. I, № 9.
- ¹² См., например: *В. Т. Паушто*. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 292–296.
- ¹³ Латински извори за българската история. София, 1981, т. IV, с. 51, 63–67, 74–77; *В. Н. Златарский*. История на българската държава през средните векове. София, 1972, т. III, с. 403–405.
- ¹⁴ Латински извори..., т. III, с. 6.
- ¹⁵ *J. Gill*. Byzantium and the paracy. 1198–1400. New Brunswick, 1979, p. 74.
- ¹⁶ НПЛ, с. 77–78.
- ¹⁷ О попытках миссионерской деятельности среди татар ярко говорят известные материалы миссий, отправлявшихся в Монголию в 40–50-х гг. XIII в. См.: *Джованни дель Плано Карпини*. История монголов *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. М., 1957. См. также: *В. Т. Паушто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 261 и сл.
- ¹⁸ О контактах Михаила черниговского с Римом см.: *С. Томашевский*. Предтеча Исидора Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1271–1245) // *Analecta Ordinis sancti Basilii Magni*. Roma, 1927, t. 2, fasc. 3–4. О контактах с Римом Даниила Галицкого см.: *W. Abraham*. Powstanie..., s. 114–143; *М. Чубатий*. Західна Україна и Рим у XIII в. у своїх змаганнях церковної унії // *Записки наукового товариства ім. Шевченка*. Львів, 1917, т. 123–124; *В. Т. Паушто*. Очерки..., с. 251 и сл. О переговорах с Римом Александра Невского: *А. А. Горский*. Между Римом и Каракорумом // *Страницы отечественной истории*. М., 1993.
- ¹⁹ *В. Т. Паушто*. Очерки..., с. 255–256.
- ²⁰ *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1882, t. I, H. 1, № 298.
- ²¹ ПСРЛ, т. II, стб. 827.
- ²² VMPL, t. I, № 123.
- ²³ *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1909, t. I, H. 2, № 1–7.
- ²⁴ *Liv*, — *Est und Kurlandisches Urkundenbuch*. Reval, 1853, t. I, S. 440–441.
- ²⁵ VMPL, t. I, № 149.
- ²⁶ *Pomniki dziejowe Polski*. Warszawa, 1970, ser. II, t. VIII, s. 113–114, 116–117.

- ²⁷ Regwsta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Prahae, 1872, p. II, v. 1, № 71, 271. См. также послание его ближайшего советника Бруно, еп. оломоуцкого папе Григорию X — Regesta... Praage, 1873, p. II, v. 3, № 845.
- ²⁸ Alexandra. Vyd. V. Vazny. Praha, 1963, s. 117–118.
- ²⁹ См. в этом источнике о Елизавете Тюрингской, которая «много бе послужи Богови по муже своемь и святоу нарицают» (ПСРЛ, т. II, стб. 723), о католическом храме Троицы в Сандомире — «церкви бяше в городе том камена велика и предивна, сияюще красотою» (Там же, стб. 853).
- ³⁰ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965, с. 175–176.
- ³¹ См. рассказ того же источника о немецком рыцаре «Андреяше», посетившем Александра как некогда царица Савская Соломона (Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы..., с. 161–162).
- ³² См. в житии Довмонта о том, как Александр Невский и Довмонт ходили в походы, «побеждая страны поганья — Немець и Литву, Чюдь и Корелу» (В. И. Охотникова. Повесть о Довмонте. Л., 1985, с. 192), а также запись Новгородской Первой летописи о захвате польским королем Казимиром Вольни в 1349 г. — «и много зла крестианом сотвориша, а церкви святыя претвориша на латынское богумерзькое служение» (НПЛ, с. 361).